

Грешный ангел с бумажными крыльями / Владимир Семенчик

31 июля 2016 года замечательному сахалинскому писателю Анатолию Тоболяку исполнилось бы 80 лет

Заочное знакомство

Придется начать издалека.

В 1980-м году, когда я был неоперившимся первокурсником минского журфака, мне попался в читальном зале университетской библиотеки свежий номер журнала «Юность». Одна из повестей подкупила своим названием: «Откровенные тетради». Рядом красовалась фотография ничем не примечательного очкарика средних лет и немного странная фамилия – Тоболяк. Запомнилась она потому, что, едва начав поглощать эту прозу, оторваться я уже не мог. Последние страницы проглатывал под суровым взглядом библиотекарши: до закрытия оставались считанные минуты.

Назавтра я примчался в читальный зал сразу после занятий и, захлебываясь, спросил, нет ли еще чего-нибудь этого... ну, как его... Тоболяка?

Библиотекарша почему-то очень раздраженно отрезала: нету!!! Но взглянув на мою перекосившуюся от огорчения физиономию, смилостивилась и объяснила: в той же «Юности» несколько лет назад вышла первая повесть Тоболяка «История одной любви», так этот журнал сначала зачитали буквально до дыр, а потом просто вырезали бритвой страницы и утащили наслаждаться домой.

Это – к вопросу о популярности Тоболяка во второй половине 1970-х. Далекое не каждую повесть воровали из читального зала, хотя в те непростые для литературы времена интересную книгу достать было так же трудно, как и дефицитную копченую колбасу. Я почему-то уверен, что страницы стащил не фарцовщик (чтобы одеть в самопальный переплет и продать), а некая романтичная молодая особа – одна из десятков тысяч девушек, которые, попав под коварное обаяние юных героев Тоболяка, бросились наперекор родителям искать свое счастье на Севере или Дальнем Востоке. «Историю одной любви», которая сделала Анатолия Тоболяка знаменитым, я тогда так и не прочитал. Зато лет через шесть смог поведать самому автору о том, как его повесть уперли из читального зала. Автор отреагировал просто: прошествовал в угол своей комнаты, к куче бумажного хлама, выудил оттуда книгу и сказал: на, читай, только верни – а то остался последний экземпляр.

Произошло это на другом краю Империи, на острове Сахалин, в 10 тысячах километров от той минской библиотеки. Я к тому времени не только познакомился с автором, но даже нахально называл его на «ты», причем, кажется, вовсе без брудершафта...

Интервью с живым классиком

Впоследствии Анатолий Самуилович, немного смущаясь, признавался, что в упор не помнит обстоятельств нашего знакомства. Удивляться тут нечему: с чего бы ему запоминать корреспондента газеты «Советский Сахалин», который поздней осенью 1985 года вызвонил писателя дома и бесцеремонно заявил, что им надо срочно встретиться. Мол, в субботний номер запланировано интервью, повод серьезный: наш областной театр заканчивал постановку спектакля по новой пьесе Тоболяка. Называлась пьеса просто, изящно и заманчиво - «Денежная комедия». Приманка для публики двойная: она и комедии любит, и к деньгам равнодушна. Чувствовалось, автор хорошо усвоил знаменитые строки: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет».

– Пр-риходите завтра в театр-р, я там буду на р-репетиции, – любезно отозвался картавый голос в трубке.

Обычно я тщательно готовился к интервью со знаменитостями: читал публикации об их творчестве, запоминал главные факты биографии, изобретал заковыристые вопросы. А тут как будто кто-то шепнул: не напрягайся, все равно без толку... И я решил, что как-нибудь

обойдусь без серьезной подготовки. С творческим человеком, которого многие уже считали почти живым классиком, всегда найдется о чем поговорить.

Театр располагался прямо напротив редакции, нужно было лишь пересечь сквер и нырнуть в черную пасть служебного входа.

– Куда?! Отставить! – на моем пути глыбой встал вахтер в пиджаке с наградными колодками. Видимо, получил их за умение «держатъ» и «не пущатъ».

– Я из газеты. По заданию. Мне автор пьесы, Тоболяк, сказал сюда приходить.

Нацепив очки, вахтер долго изучал мое удостоверение. Потом покосился на стол, где как раз лежал «Советский Сахалин», раскрытый на странице, где под одной из заметок значилась моя фамилия. Возвращая красную книжечку, дедуля вдруг подмигнул мне по-свойски и дружелюбно посоветовал: «Если на репетиции его нету, ищи в буфете».

В зрительном зале освещена была только сцена. Актеры что-то выкрикивали скороговоркой, в первом ряду сидел знакомый режиссер и нервно хмурился. В полутьме я кое-как разглядел чью-то лохматую голову, торчавшую в одном из рядов амфитеатра. Прокрался туда на цыпочках и заговорил почему-то шпионским шепотом:

– Здравствуйте, это вы – Тоболяк? Я из газеты! Мы договаривались вчера, помните?

Голова блеснула в мою сторону стеклами больших очков. Затем их обладатель кивнул, как

бы подтверждая, что он безусловно все помнит, рывком поднялся с кресла и, слегка покачиваясь, резво пошел к верхнему выходу. В дверях обернулся и сделал мне приглашающий жест. Когда я догнал его, он уже стоял у буфетной стойки и шарил по карманам.

– Коньяк... п-пить... б-будете? – тщательно выговаривая слова, обратился он ко мне.

– Не знаю, – неуверенно начал я, – понимаете, вообще-то я на работе, мне бы поговорить с вами...

Чтобы показать серьезность своих намерений, я положил на стойку прямо перед ним свой портативный магнитофон величиной с книжку (между прочим, по тем временам такая техника была редкостью, это сегодня все журналисты вооружены крохотными диктофонами).

– Значит, б-будете! – заключил он. В эту минуту подошла буфетчица. Молча взяла из потной ладони драматурга купюру, налила два полных бокала, положила на тарелку пару бутербродов. Мне ничего не оставалось делать, как отнести все это добро на ближайший столик.

В буфете кроме нас никого не было. «Удобный момент, – обрадовался я. – Никто не помешает. Сейчас он выпьет, язык развяжется...». Я положил магнитофон на край столика, держа палец на кнопке «запись».

Мой визави, естественно, выпил. Утер губы рукавом свитера, понюхал бутерброд, откусил крохотный кусочек. На лице его появилась блаженная улыбка, глубокие морщины на лбу слегка разгладились.

– Добавить надо! – твердо сказал он. И полез в карман за следующей трешкой.

Минут через десять до меня, наконец, дошло, что редакционное задание будет с треском провалено. Автор «Денежной комедии» для серьезной творческой беседы был явно не пригоден. Точнее сказать, он был вообще не пригоден ни для какой беседы, поскольку мог только безмятежно улыбаться, вытирать рукавом покрасневшее лицо и произносить восторженные междометия, ласково глядя на мою изумленную, надо полагать, физиономию.

Тогда я тоже выпил свой коньяк, мысленно махнул рукой и начал убирать магнитофон в сумку. И тут автор, наверное, на секунду протрезвел, потому что извиняющимся тоном выдал вполне осмысленную фразу:

– Боюсь, сегодня не выйдет. Я немного не в форме. Давай в другой раз. А вообще – нафига тебе это интервью? Лучше давай еще по одной? Я отказался – честно говоря, без сожаления. Мы были в абсолютно разных измерениях: чтобы возникло взаимопонимание, мне пришлось бы натрескаться вдрабадан. А нужно было возвращаться в редакцию, что-нибудь врать начальнице отдела культуры Валерии Ильиничне Каменецкой, которая и подсунула мне эту работенку. Ну не мог же я, в самом деле, сказать ей, что интервью с писателем, знаменитым на весь Советский Союз и даже переведенным на несколько европейских языков, не состоялось по такой банальной причине!

Как я выкрутился, не помню. Кажется, Валерия Ильинична обо всем сама догадалась, поскольку ее муж, Михаил Петрович Финнов, тоже писатель, отлично знал Тоболяка, более того – оба частенько пропадали сутками в общих компаниях. И конечно, убегали от жен не только для того, чтобы беседовать о литературе...

Они были приятели – но Финнов, насколько я помню, считал прозу Тоболяка легковесной, был абсолютно убежден, что слава его – случайна и не совсем заслуженна. Видимо, поэтому он упрямо не желал употреблять известный миллионам читателей псевдоним «Тоболяк», всегда называл Анатолия Самуиловича исключительно по фамилии – Прицкер. А поскольку звук «р» Финнову тоже был не совсем доступен, можете представить, как эта фамилия звучала из его уст: – Что там новенького накг-гопал этот Пг-гицкег-г?! – спрашивал он у меня, заходя в книжное издательство, где я с 1988 года работал редактором, не без труда уволившись из опостылевшей газеты.

Кстати, пока я там почти четыре года гнал строку, мне больше ни разу не предлагали сделать интервью с Тоболяком-Прицкером. А сам я не напрашивался. Все-таки общение для газеты (особенно это ощущалось в эпоху советской цензуры) предполагает некоторую дистанцию между собеседниками: оба вынуждены прикидываться, ограничивать себя, чтобы оставаться в рамках навязанных ролей. С Тоболяком удержаться на таком примитивном уровне оказалось невозможно. Он был, если

можно так выразиться, гений искреннего общения, фальшивить не любил в принципе, а с друзьями не умел вовсе.

Не выпендривайся!

Пока Анатолий был жив, мне и в голову не приходило задуматься: почему мы так быстро и легко сошлись? Ведь я был младше на четверть века! Написал к тому времени десяток-другой удачных стихов – вот и все, что мог предьявить в свое оправдание. Но ни разу не слышал от него даже намека, что мы – далеко не ровня, что он мне в отцы годится, а главное – давно уже является признанным мастером слова. Насколько я знаю, он держался точно так же и с другими младшими собратями по перу, да и не только с ними – а вообще со всеми, независимо от их рода занятий. Главный его лозунг (если тут уместно это слово) был прост: не выпендривайся!

Мне кажется, он навсегда остался взрослым ребенком, и его тянуло к «племени младому, незнакомому». Ведь не случайно почти все герои, от лица которых идет рассказ в его книгах, младше самого автора минимум лет на десять. А может быть, Анатолий и во мне видел одного из своих персонажей – едва оперившегося, дерзкого и безрассудного юношу, не побоявшегося рвануть из Белоруссии на далекий остров Сахалин? Помню, он как-то заночевал у меня. Как обычно в таких случаях, пробуждение было сложным. Ранним утром мы вышли к остановке, я спешил на редакционную летучку, он – на поиски пива. Мир казался мрачным и угрюмым. Вдруг из-за ломаной гряды сопок показало свою багровую

макушку солнце – и такой величавой силой веяло от этого зрелища, что у меня невольно вырвался восторженный возглас.

– Нравится? – внимательно взглянув на меня, спросил Анатолий.

– Не то слово! Три года здесь живу, а все никак не могу привыкнуть! Красотища!

Это был, по-моему, чуть ли не единственный случай, когда в его взгляде я прочел неприкрытую зависть. К тому, чего он сам уже был лишен – а именно, к моему щенячьему возрасту, умению так остро воспринимать романтически-суровый, непривычный для жителя равнин горбатый пейзаж, мимо которого он, старожил здешних мест, равнодушно скользил взглядом.

Фантастический возраст

Этот текст, конечно, не жизнеописание Анатолия Самуиловича Тоболяка, но все же основные вехи его биографии напомнить, видимо, следует.

Итак, он родился 31 июля 1936 года в Новокузнецке (тогда – Сталинске).

– Толя, у тебя фантастический возраст! – говорил я ему, когда Горбачев затеял гласность, и началось повторное развенчивание «культа личности». – Мало того, что ты на свет появился в Сталинске, так еще успел увидеть Сталина в мавзолее!

Толяша в ответ на этот каламбур самодовольно ухмылялся. Он был, как принято говорить в биографиях писателей, типичный представитель поколения «шестидесятников». Тех, кто в ранней молодости глотнул иллюзорно чистого воздуха свободы, а потом до пожилых лет пытался приспособиться к совершенно иной атмосфере

– затхлой и душной. Впрочем, диссидентом он, конечно, не был – скорее, все же, конформистом. Из племени тех, кто делает свое дело, как бы и соглашаясь с властью, но прячет для нее в кармане здоровенную фигуру.

Про свое детство он не особенно распространялся. Помню только, что когда на встречах с читателями его спрашивали о начале творческого пути, он рассказывал примерно так: – Все вы, наверное, в детстве читали книги Фенимора Купера и Майн Рида? Я ими тоже зачитывался. А потом выходил во двор и пересказывал друзьям эти приключения, при этом врал, или, точнее сказать, фантазировал напропалую. В конце концов, у меня получались собственные устные романы о краснокожих и бледнолицых. По некоторым сюжетам мы потом устраивали во дворе игры, которые растягивались на недели и даже месяцы.

Возможно, эта страсть к сочинительству и привела Анатолия после школы в газету «Орский рабочий». Кажется, это был 1953-й – год смерти вождя народов и начала новой эпохи.

Мне, увы, неизвестно, когда он начал сочинять нечто более художественное, чем статьи и заметки. Об этом Анатолий не рассказывал. Хотя на дружеских посиделках, если накатывало соответствующее настроение или народ требовал, он охотно читал свои ранние стихи – из так называемого «северного цикла»:

До Эконды, друг, не близко.

И правила там свои.

Там водку дают по списку -
На взрослого члена семьи.
Каждому оленеводу,
Каждому звероводу
Надоело всю зиму
Пить вилюйскую воду.
Надоело всю зиму
Таскать за собой канистры,
В которых сахар и дрожжи
Вскипают в дороге быстро.
Нынче в Эконде праздник.
И, отложив карабины
И одевшись нарядно,
Люди идут в магазины.
Нет никакой толкучки.
Да и куда торопиться!
Ровно шесть ящичков водки.
Каждый учтен по списку.
Вы хорошо поработали -
Так утверждает сводка.
Вот вам, товарищ Ботулу,
Ваша бутылка водки!
Пейте и вспоминайте,
Как вас зимой мордовали
Морозы крепче, чем водка
В урочище Уроханвали...
А заканчивалось стихотворение так:
...Нынче пьянствует Эконда
Радостно и торжественно!
Гениальный финал для застолья, верно? Просто
грех после таких строк самим не выпить.
Радостно и торжественно!

Памятник Неизвестному Консультанту

Что-то меня опять куда-то не туда повело, уж извини, Анатолий Самуилович! Я же собирался обозначить основные вехи твоей богатой биографии, насыщенной самыми разными событиями...

Не забудь про Север! – напоминаешь ты. Да, действительно, про Эвенкию твою любимую, про Таймыр, про то, как в северных реках ловят тайменя «на мыша» ты вспоминал захлёб. Про непроглядную полярную ночь, освещаемую лишь сполохами северного сияния, про командировки в стойбища оленеводов, в бригады старателей, про встречи с охотниками, которые всю долгую зиму одиноко жили в тайге, добывая пушнину... Про крошечное племя северных людей – нганасанов – которые едва понимали, что такое деньги, зато отличались удивительным гостеприимством. Однажды ты похвастался, как на крошечном самолетике по невероятному стечению обстоятельств попал аж на Северный полюс. Слушая это, я завидовал буквально до слез – так вкусно и с таким юмором ты об этом рассказывал!

Север, конечно же, дал тебе многое. И сюжет своей знаменитой повести «История одной любви» ты ведь тоже «подсмотрел» там. Неуемная жажда познания носила тебя по стране (от Полярного круга до Памира) и к ближе к 40 годам забросила на Сахалин, где ты устроился корреспондентом областного радио. Но это была работа лишь ради куска хлеба, а главный труд начинался по вечерам, за столом в прокуренной кухоньке, где ты исписывал страницу за страницей своим

мелким, стремительным и совершенно неразборчивым почерком, который сам же называл «шизичным»...

В те годы новичку из провинции пробиться в печать – да еще в популярнейшем журнале «Юность»! – было не менее сложно, чем сегодня сорвать самый крупный куш в передаче «Кто хочет стать миллионером». Рукописи в журнал приходили мешками, со всей огромной страны, но из этого потока крайне редко что-то попадало на стол к заведующему отделом, а уж к редактору – и подавно. Обычно провинциалам писали ответы так называемые литконсультанты; их задачей было вежливо отфутболить рукопись, черкнув автору несколько банальных фраз о необходимости внимательнее читать классиков и тщательнее работать над стилем. Такие ответы писались разве что не под копирку, в редакциях за них платили от рубля до трешки за штуку. Поэтому литконсультанты не особенно утруждали себя внимательным чтением рукописей.

Кто выхватил из графоманского потока повесть Тоболяка – сейчас, увы, вряд ли можно выяснить. Но будь моя воля, я бы поставил на какой-нибудь тихой площади в столице Памятник Неизвестному Консультанту. В благодарность не только за спасенную от безвестности повесть Тоболяка, но и за тысячи других хороших книг, авторы которых в свое время были обнадежены добрым словом или одарены первой публикацией.

Полагаю, мастерски написанная Толей романтическая история юных влюбленных

пришлась ко двору не только потому, что была талантлива и свежа, как глоток чистого воздуха, но еще и по идеологическим мотивам. Страна тянула сквозь горы и болота Байкало-Амурскую магистраль, и требовалось как-то настроить на нужный лад десятки тысяч комсомольцев-добровольцев. А повесть Тоболяка идеально подходила для этой цели, ибо пробуждала у молодых естественное желание строить свою жизнь по собственному сценарию, вдали от папиных-маминых нравоучений.

Помню, Толя рассказывал, что, когда получил телеграмму из журнала, вначале не поверил – думал, кто-то его разыграл. И еще: концовку повести ему все же пришлось переделать; в первоначальном варианте все заканчивалось трагично – юный герой по имени Сережа погибал. Но такой финал противоречил идеологической задаче, и автора попросили придумать что-то более жизнерадостное. Тоболяк признавался, что вначале не хотел ничего менять. Но потом все же поддался - решил, что грех упускать шанс напечататься в самом популярном советском журнале.

В итоге Сережа остался жить – и очень долго потом «кормил» своего создателя. Вскоре по заказу одного столичного театра Толяша переделал повесть в пьесу, и ее поставили сразу в нескольких десятках городов. Спектакли шли годами, автор получал солидные отчисления – иногда пару тысяч полновесных советских рублей в месяц! Даже несмотря на дикие комиссионные, которые драл в те годы с популярных писателей

Литфонд за свои непонятные услуги, денег оставалось более чем достаточно. Когда этот золотой дождь пролился и стал капать, не переставая, Тоболяк бросил журналистику и зажил на широкую ногу. Запросто приглашал в ресторан целую толпу литературных и случайных приятелей, месяцами отдыхал на курортах, ну и, естественно, скучать себе там не давал...

Кстати, всесоюзной своей славой он ни капельки не кичился – наоборот, слегка подтрунивал над этим. Да и представить невозможно было, чтобы Толяша вдруг взял да и заважничал. Проще и дружелюбней человека я не знал. За это его все любили, и прощали ему то, чего кому-то другому никогда не простили бы.

Он был гений общения. Мог за минуту расположить к себе кого угодно, по-детски искренне поддерживая любой разговор, хоть о высоких материях, хоть о самых житейских. Сочетал в себе множество крайностей: цинизм и детскую наивность, бесцеремонность и чуть ли не девичью стеснительность, всегдашнюю самоиронию и трогательную сентиментальность.

Полный творческий кайф

Я еще застал его семейным человеком; с последней женой Людмилой они жили в двухкомнатной квартире на проспекте Победы. Правда, он уже мог там не появляться неделями. Ночевал у многочисленных друзей.

После окончательного развода и ухода из дома (это был, кажется, 1987 год) Толя на некоторое время остался без крыши над головой. Людмила с новым мужем обещали ему отдельную

жилплощадь, а пока она оформлялась, было велено переждать, где получится.

Моя жена с маленькой дочкой как раз надолго уехали к родным на материк, и для гостей была свободна целая комната.

– Можно я пару недель у тебя поживу? – спросил Толя.

– Какой разговор!

И мы начали жить в одной квартире. Тоболяк оказался очень даже хозяйственным постояльцем; к моему приходу с работы всегда был готов бесхитростный, но вполне съедобный ужин, и – как в лучших домах Парижа! – стол украшала бутылка вина. Правда, далеко не французского, но привередничать в те годы не приходилось.

Возвращаясь, я уже в подъезде точно мог сказать, дома гость или отсутствует. Дело в том, что Толяша был фанатом Высоцкого, а я как раз купил целую серию его новых пластинок. И великий бард целыми днями хрипел свои гениальные песни из колонок моего бедного проигрывателя. Причем, Толя любил погромче – слышно было за пару этажей.

Иногда я открывал дверь и видел, что мой гость медитирует, слушая Высоцкого. В такт мелодии мотает кудлатой головой и время от времени смахивает со щеки скупую мужскую слезу.

Ну да, как я уже говорил, он иногда бывал сентиментален – при всей своей ироничности и здоровом природном цинизме.

Слезу мог пустить и от хохота; особенно веселили его тексты Жванецкого в исполнении

великолепного дуэта Карцев – Ильченко. Эта пластинку мы с ним тоже заездили до хрипа... Он и посуду мыл, и пол подметал! Тот еще оказался чистюля. Только опустевшие бутылки почему-то в мусорку не выносил, а расставлял аккуратной батареей под обеденным столом. Где-то через месяц идиллия закончилась: со дня на день должна была вернуться моя жена.

– Повезло тебе, что я быстро съезжаю, – сказал Толяша.

– Почему?

– А то я бы тебя споил...

Я заглянул под стол. Посуды накопилось порядочно, но насчет «споил» – был явный перебор. Все-таки недели две, кажется, мы прожили на сухую, все это время Толяша целыми днями марал бумагу. Стопка росла, но что он сочинял – не знаю, врать не буду. Могу лишь констатировать одно: впадая в творческий запой, он превращался в абсолютного трезвенника.

А вскоре Толя оказался счастливым владельцем просторной однокомнатной квартиры. Этаж, если не путаю, был четвертый, и с домом ему повезло – он стоял на улице с вполне литературным названием: Есенина.

Обстановка у него была отчаянно спартанская. На кухне плитка на две конфорки, пожилой холодильник, три-четыре разнокалиберных табурета и колченогий стол универсального характера: обеденный и письменный одновременно. Минимум посуды; как правило, она стояла на подоконнике или громоздилась в

раковине. В жилой комнате – тахта, рядом стул, на нем пепельница и какая-нибудь книжка. Никаких шкафов или - боже упаси! – сервантов. Только скромная книжная полочка, да и та прожила недолго. А в углу украшала интерьер знаменитая «макулатурная куча». Если ее хорошенько пошевелить, то можно было найти не только книги, но и самые неожиданные вещи, например, разлохмаченные рукописи или московские театральные афиши, на которых аршинными буквами была напечатана фамилия хозяина и названия его пьес... Чувствительных околелитературных барышень эти отблески былой славы, конечно, впечатляли. Позже Толя некоторые фрагменты из кучи отдал музейным сотрудникам, а остатки переместил на балкон.

Одежды и обуви у него было всего ничего; летний и зимний гардероб легко умещался в стенном шкафу. Он предпочитал джинсы, свитера, ветровки и куртки, а единственный парадно-выгребной пиджачок висел на оконной ручке или на шпингалете. Облачался в него хозяин в исключительно важных случаях.

А вот с чем Толяше жутко не везло – так это с дверными замками. Ключи от них постоянно куда-то терялись, и чтобы попасть домой, приходилось взламывать дверь. Несколько раз друзья помогали хозяину вставить новый замок – но хватало его ненадолго. В итоге Толя махнул рукой на эти пустые хлопоты. Изнутри закрывался на шпингалет, а когда уходил из дома - «на газету»: то есть, чтобы дверь сама собой не открылась, вставлял между

нею и косяком плотно сложенный в несколько раз газетный лист.

Возможно, в награду за такое абсолютно небывалое доверие никто и не покушался на его жилище. Красть там все равно было нечего – разве что пустые бутылки с балкона. Но в 90-е годы их принимать уже почти перестали.

Гостей в этой квартире Тоболяка перебывало великое множество. Простота обстановки располагала к непринужденному, вдохновенно творческому общению. Хозяин в первые минуты всегда суетился и дергался - обожал, чтобы гости ощущали себя максимально комфортно, а потому доставал вопросами: удобно ли сидеть, не надо ли чего подать-принести...

– Да успокойся ты! – говорили гости. – Садись за стол, мы сами все принесли.

Но Толя не унимался, все ему казалось, что он проявил недостаточно гостеприимства.

А как он не любил, если все внезапно собирались уходить! Готов был что угодно отдать, лишь бы гости остались. Если не получалось уговорить, обычно увязывался следом – и поредевшая компания шла продолжать душевный разговор в новой обстановке.

Эта квартира была действительно замечательна: в ней Тоболяку классно сочинялось. Если наступал творческий запой, можно было закрыть дверь на газету (чтобы гости подумали, будто хозяин в отлучке), заpastись на неделю-другую куксой, чаем и сигаретами, и писать, писать, писать - сутками напролет.

Как мастер, он, конечно же, знал себе цену, и все-таки одобрение «товарищей по перу» действовало на него волшебным образом - как похвала на маленького ребенка. Помню, как он однажды зашел к нам в книжное издательство и попросился посидеть за пишущей машинкой (своей к тому времени у него уже не было).

Достал стопку исписанных листов и часа три беспрерывно стучал по клавишам, время от времени удовлетворенно хмыкая и похохатывая. Потом мы пили чай и курили.

– Я тут одну штуку начал, – сказал Толя. – Дам тебе второй экземпляр, скажешь, как тебе, ладно?

– Хорошо, давай, посмотрю, – я постарался произнести эти слова небрежно, хотя внутри все дрожало от нетерпения.

Едва Толя ушел, я набросился на рукопись. Это были первые главы романа «Невозможно остановиться». На мой взгляд, это самая лучшая вещь, которую Тоболяк написал в зрелые годы. Если вы читали этот роман, то наверняка помните, что на первых же страницах главный герой по фамилии Теодоров собирается повеситься.

– Толя, я тебя сам повешу, если ты эту штуку не закончишь, – пригрозил я, возвращая ему рукопись.

– Что, правда, неплохо? Не бодяга? – расцвел он. Глаза за стеклами очков молодо блеснули, глубокие аксакальские морщины на лбу разгладились. Видно было, как ему нужно услышать, что Слово подчиняется ему по-прежнему – несмотря ни на что...

За те годы, что я работал редактором издательства, мне несколько раз случалось готовить к печати новые вещи Тоболяка. Это был идеальный автор, честное благородное слово! В том смысле, что рукописи он сдавал чистейшие – ну просто нечего было править и подчеркивать, за исключением мелких опечаток и пропущенных знаков препинания. Читай и наслаждайся. Я не встречал писателя, который бы относился к своим повестям, романам и пьесам добросовестнее и требовательнее. Безусловно, это было еще одной причиной их популярности.

Правда, иногда страницы рукописи бывали залиты кофе или кое-чем покрепче, но на качестве текстов это не отражалось. От любой новой вещи Тоболяка было трудно оторваться, не дочитав ее до конца; достичь такого эффекта мечтают многие авторы, но удается единицам.

Аппендиксы цивилизации

Он безумно любил рыбалку – в этом мы были похожи. Помню, позвал меня в мае на речку Лютогу, обещал показать, как ловят корюшку без наживки – на зацеп. Год был, кажется, 1986-й, телескопические удилища тогда еще не везде продавались, я свое привез из Белоруссии. Рядом с ним Толино - бамбуковое и кое-где замотанное изолентой - выглядело довольно жалко. Да и катушка у меня была покрупче: одна из первых безынерционных, гарантия от «бороды» при неудачном забросе.

– Это тебе не поможет! – сказал Тоболяк. И действительно стал облавливать меня по черному, выхватывая из мутной реки чуть ли не каждую

минуту черноспинных прогонистых «зубарей». Мне везло вдвое реже.

Мы разожгли костерок, достали какие-то нехитрые припасы. Ну и бутылку, понятно.

– Поздравляю с началом браконьерской карьеры!
– произнес тост Толяша. И пояснил, потешаясь над моей недоумевающей рожей: - А ты думал, на Сахалине можно нерестовую корюшку тройниками таскать? Если попадемся рыбнадзору – штрафанут.

Затем он квалифицированно объяснил, как следует вести себя, когда из кустов выскочит инспектор. Если в это время ты как раз вытянул добычу, надо наступить на нее сапогом и – раз! – оторвать вместе со снастью. А дальше играть в несознанку: мол, тройник не мой, просто в песке валялся...

Совет мне не пригодился. Мой рыбинспектор выскочил как раз в тот момент, когда я радостно укладывал пойманную корюшку в полиэтиленовый пакет, пытаюсь заодно прикинуть, какая она по счету. Пока со мной разбирались по тяжелой – проверяли документы, составляли протокол и выписывали штраф, Толя с невинным видом стоял поодаль и покуривал, время от времени перебрасывая удочку. За какую-то секунду он успел прицепить поплавок – и теперь его снасть выглядела вполне законно.

Это был мой первый штраф за браконьерство. Первая наука. Спасибо, Толяша!

На рыбалку он был готов всегда в любом состоянии. Помню, у меня только-только появиласьсь

машина. К тому времени финансовые дела у Толи давно уже были, мягко говоря, не блестящие, на большинство удовольствий денег не хватало, и на рыбалку он вырывался редко. А тут уговорил меня: давай в выходной рванем на мыс Свободный. Прогноз был безрадостный: сильный ветер, мокрый снег. Когда мы дотащились по раскисшей дороге до места, на льду чернели редкие фигурки таких же идиотов. Да еще два-три десятка брели назад к берегу, пригибаясь от ветра.

Вы думаете, мы повели себя благоразумно? Фигушки, с Толяшей такие штуки не проходили. – Пойдем, попробуем! – уверенно сказал он. – Не такой уж сильный ветер. Скоро кончится. Отказать ему было невозможно. И мы двинулись на лед. Добрых полчаса прорывались сквозь сгустившийся почти до жидкого состояния воздух. Нашли пару готовых лунок, кое-как размотали снасти. Сели спиной к мокрым снежным зарядам. Клева долго не было. Наконец, я вытащил жалкую наважку.

– Молодец! Сейчас попрут, – уверенно сказал Толя. Его глаза сияли азартом даже сквозь очки, залепленные белой кашицей.

Скоро и он вытащил такую же наважку, потом вторую, третью... Красными задубевшими пальцами снимал их с гирлянды, ветер раскидывал леску по льду, она успевала примерзнуть, Толяша злился, нервно распутывал непослушные узелки.

– Может, пойдем? – уже в пятый раз спрашивал я. – С горшка сдувает, да и разве это клев!

– Еще десять минут сидим, и, если не поперет, валим, – в пятый раз соглашался он, и все не мог оторваться от лунки, все подергивал удочку, в надежде ощутить на ней вожделенную живую тяжесть.

Помню, на обратном пути, кое-как отогревшись, мы рассуждали о том, почему на свете так много мужиков, которые выходные проводят на диване и не видят в рыбалке никакого удовольствия. Бог им судья, сурово говорил Толяша, они – аппендиксы цивилизации, у них атрофировалось животное чувство азарта, инстинкт мужчины-добытчика! Такие люди, горячился он, духовные импотенты, раз не умеют понять, что рыбалка – это настоящий творческий процесс, потому что поклевки ждешь – как единственно возможной рифмы, как озарения...

Ну да, возражал я – а как же тогда наш ближайший друг, гениальный поэт, который на дух не принимает рыбалку?

Толяша выкрутился с истинно еврейской ловкостью. Мол, поэт, в сущности, тоже ловец – только ловит... самоцветы, выискивая их на берегу среди тысяч одинаково-серых булыжников. Действительно, наш друг таскал из походов рюкзаки агатов и сердоликов, а затем распиливал их на волшебные прекрасные половинки.

Возражать тут было нечего. Но на рыбалку с тех пор мы вместе ездили считанные разы – все что-то мешало. Наверняка, какие-то важные дела, которые сегодня кажутся совершенно пустяковыми. Бросил бы их сейчас к чертям

собачьим и повез Толю на любую речку... Но – как всегда – поздно.

И в последние его годы на Сахалине мы виделись нечасто. Жизнь началась какая-то бешеная, надо было кормить детей, крутиться, зарабатывать. Ушла куда-то лихая эпоха беззаботных посиделок, ночных шатаний по городу – да и небезопасно стало бродить ночью даже трезвому человеку. Издатели в те годы дружно скармливали народу третьесортное переводное чтиво, жить на литературные заработки не могли себе позволить даже столичные мэтры. И у Толяши остался один надежный доход – пенсия. Оскорбительно маленькая при его широких привычках. Но он продолжал писать, наивно надеясь, что каждая его новая вещь станет бестселлером. В 1994-м мы умудрились-таки выпустить на деньги спонсоров Толин легкомысленный роман «Невозможно остановиться». Еще несколько лет назад такую книгу в самом деле раскупили бы, как горячие пирожки. А тут даже жалкий трехтысячный тираж продавался очень туго. Народу становилось совсем уже не до книг. Несколько раз, когда совсем прижимало с деньгами, Толя заходил к нам в издательство, брал стопку экземпляров своего романа и шел в библиотеку: торговать. Получалось у него неважно; он сидел возле входа и негромко бормотал под нос: «Покупайте, крутая вещь, с автографом автора...». Брала иногда, но не очень охотно. Назад, впрочем, книги Толя все равно не возвращал, скорее всего, раздаривал.

Круг друзей, готовых всегда принять, дать займы, выслушать и спасти от одиночества, становился все реже, круги по ночному городу – все уже. Выжженная земля за спиной выталкивала с острова. И Толяша решился. 28 апреля 1998 года он уехал с Сахалина. И вскоре оказался в Израиле, в городе Хайфу. Написать он там ничего серьезного уже не успел: только письма друзьям да несколько пронзительных, шутивно-грустных стихотворений. В последний раз он позвонил друзьям в Южный в мае 1999-го. Раньше звонил часто, и вдруг – как отрезало. Все волновались, гадали: что случилось? Только спустя несколько месяцев дошла грустная новость: попал в больницу, парализован, говорить почти не может. Инсульт разбил его прямо на улице. Толя был без документов, его отвезли в госпиталь и целых три месяца не могли установить, кто он такой. Потом он как-то ухитрился выговорить свою фамилию. И младший брат Борис, давно обыскавший все клиники и морги, тут же примчался к нему, а вскоре забрал Толю домой.

С третьего захода

В советские годы вступить в Союз писателей СССР мечтали, пожалуй, все, кто был не чужд мук сочинительства. Прорваться в профессиональную когорту советских литераторов было делом куда как непростым. Но игра стоила свеч: члену СП было проще печататься в журналах, выпускать книги, он имел законное право не работать, а жить только на гонорары. Да и за выступления перед публикой тому, кто имел писательский билет, платили в два раза больше: как будто слова «обилеченного» литератора вдвое эффективнее достигали самых глубин читательского сердца.

На местном уровне Тоболяка в писатели приняли без проблем. Было это, кажется, в самом начале 80-х. Он закатил шикарный банкет, все радостно жали ему руку и желали новых творческих удач. Но решение должны были еще утвердить в Москве – а оттуда неожиданно для всех пришел отказ.

Это казалось дурацкой ошибкой. Отвергнутый автор - самый популярный среди сахалинских

литераторов, переведен на ряд европейских языков, остальным островитянам, давно принятым в Союз, такая слава и не снилась...

Через несколько лет, выпустив еще пару книг, Толя предпринял вторую попытку получить писательский билет. И опять Москва его «зарубила». Кто закатил ему черные шары на Пленуме СП – неизвестно, голосование там тайное.

Тоболяк попереживал немного и плюнул на это дело, сказал: все, хватит, все равно бесперспективно. И только в 1988 году, когда уже вовсю гремела перестройка, и нравы стали либеральнее, его убедили попробовать в третий раз. Правда, даже на Сахалине теперь проголосовали за него не единогласно, как раньше. Старейшина местного «литературного цеха», прозаик Николай Иванович Максимов, автор соцреалистического бестселлера «Поиски счастья», заявил примерно следующее: «Раньше я всегда голосовал за Тоболяка, хотя не читал его прозу, доверялся мнению товарищей. А теперь не буду, потому что прочел его и понял, что он не наш писатель, не советский, ну ничего советского в нем нет!»).

Так получилось, что я оказался в Москве как раз накануне заседания приемной коллегии. И мне разрешили на нем присутствовать. Перед началом подошел ко мне ректор Литературного института Сергей Есин, тоже член коллегии, возмущается: неужели Тоболяк все еще не принят в СП, я думал, он давно уже там, как же так получилось, что же это делается, надо эту несправедливость срочно ликвидировать!

Подошел другой, не буду называть фамилию, и говорит: слушайте, а ведь если мы его примем, он же уедет в Израиль.

Да что вы, отвечаю, какой Израиль! Он наш человек, почти коренной сахалинец, никуда он не уедет!

И все равно, когда посчитали голоса, выясняется – опять не принят! Отклонила приемная коллегия! Тогда мы послали апелляцию секретарю СП Юрию Бондареву, мол, так и так, просим в порядке исключения вынести этот вопрос на рассмотрение секретариата. И меня на это заседание пригласили. Приезжаю, докладываю ситуацию: профессиональный писатель за бортом писательской организации, хотя фактически давно работает вместе с нами, выступает в аудиториях, широко издается – и нам невозможно объяснить этот казус рядовому читателю, который никаких ваших игр не понимает и страшно удивляется... Литературные генералы напряженно молчат, тишина гробовая. Долгая такая пауза. И вдруг встает Валерий Поволяев, он тогда куратор был по Дальнему Востоку, и говорит: давайте уважим просьбу сахалинцев, войдем в положение, они от Москвы так далеко, просьбами нам не надоедают. И так легко и хорошо он это сказал, что все проголосовали «за».

Так Толяк, наконец, стал членом СП СССР. В 1989 году, за два года до распада великой империи. А через девять лет все-таки уехал в Израиль, как и предполагал один из членов приемной коллегии».

Как Толяша уезжал в Израиль

«Прощальный банкет устроили в ресторане «Мим» 28 апреля. Казалось, все это – розыгрыш, шутка, никуда никто не уезжает, просто друзья нашли повод, чтобы хорошо посидеть.

А после банкета мы поехали ночевать в издательство.

Я боялся, что Анатолий Семенович (я его так называл) возьмет и - как бы это помягче сказать - расслабится. А у него с собой были большие деньги от проданной квартиры, мы даже пояс ему сшили для них. Ну и билеты тоже мог потерять – в общем, все могло сорваться.

Я постелил ему на стульях, а сам лег на столе. Не спал всю ночь. Он тоже полежит-полежит – и встает, идет покурить. Потом так тихонько говорит: а может, выпьем? Нет, отвечаю, хватит уже...

Он молчал, мы почти не разговаривали. А мне все время казалось, что он сейчас скажет: ну все, погуляли и хватит, я пошутил – остаюсь! Казалось, что он в самый последний момент именно так скажет.

Машина подошла в 8 утра. Я его посадил и опять думаю: неправда, не может он никуда уехать.

Скажет: я пошутил. Он уехал, а я все равно ждал – вот сейчас вернется и скажет, что пошутил.

Я был последним, кто его видел на Сахалине».

Вместо эпилога

Вспоминаю то время и ловлю себя на забытом ощущении. Почему-то тогда казалось, что Тоболяк так же вечен на нашем острове, как солнце после дурной погоды. Пересечешься с ним где-нибудь – и на душе светло. Он уникально умел радовать: читателей своими замечательными

книгами, а друзей – невероятным жизнелюбием, непоседливостью, всегдашней готовностью к круглосуточному общению, своей трогательной наивностью и иронически-мудрым отношением к происходящему вокруг и внутри нас.

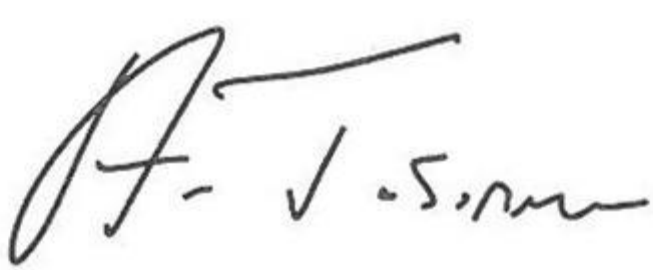
Мне кажется, Сахалин платил ему такой же любовью. Хотя в последние годы это было совсем незаметно. А он, стареющий мальчик, обижался, словно ему пообещали праздник – и забыли разбудить вовремя...

Почему он так недолго продержался на этом свете, оторвавшись от Сахалина? Не потому ли, что в комфортной стране со всеми удобствами ему не хватало воздуха, пропитанного дружеской любовью? Все его последние письма на Сахалин – об этом.

Когда стало известно о страшной его болезни, никак не верилось, что такое может случиться с ним. Ждали улучшений, тем более, израильская медицина, по слухам, умеет делать настоящие чудеса.

Но чуда не произошло.

16 октября 2001 года грешный ангел взмахнул бумажными крыльями и улетел в неизвестные края.

A. V. S.

Бог любил его и дал ему удивительный талант - «писать буковки». Так он называл те периоды своей жизни, когда, спрятавшись от людей на месяц-два-три, заполнял очередную пачку бумаги микроскопическими каракулями. Потом этими «буковками» зачитывались миллионы людей. Сейчас иная эпоха, но время его книг не ушло и не уйдет никогда. Потому что Анатолий Тоболяк в полной мере обладал важнейшим для писателя качеством, которое называют «стремлением к совершенству», хотя, скорее, это – желание добиться невозможного: стереть грань между Жизнью и Словом. Наверное, поэтому герои его книг не просто узнаваемы: они – живые. Автор растранижил на них свою жизнь, раздав им все, что имел.

Спасибо тебе, Толяша!